

умственное напряженіе Пьера, если бы онъ не встрѣтился въ дорогѣ съ однимъ изъ членовъ масонской ложи, который, видимо, былъ хорошо освѣдомленъ о семейномъ несчастьи Пьера. Во имя «братства и любви» масонъ протягиваетъ руку помощи Пьеру. Пьеръ въ отвѣтъ на это указываетъ масону на разницу ихъ міросозерцанія. Но масонъ называетъ образъ мыслей Пьера общимъ и даже говоритъ, что это «плодъ гордости, лѣни и невѣжества».

Все болѣе и болѣе поражая своею твердостью и опредѣленностью мысли, масонъ объясняетъ Пьеру, что «никто не можетъ постичь истины, что общее *неопріе* есть источникъ несчастій, что Богъ — въ человѣкѣ, въ словахъ и даже въ такихъ кощунствующихъ словахъ, какъ твои»,—добавляетъ масонъ въ отвѣтъ на признаніе Пьера, что онъ не вѣритъ въ Бога.

Долго длились убѣжденія масона, и Пьеръ, съ замираніемъ сердца, слушалъ его, не перебивавъ, не спрашивавъ, а всей душой впитывавъ въ себя это новое ученіе. Онъ испытывалъ чувство радостнаго успокоенія, обновленія и возвращенія къ бытію, «Богъ не постигается умомъ, а постигается жизнью»,—докончилъ масонъ свою бесѣду и на послѣдокъ далъ совѣтъ Пьеру, просившему не покидать его.

подавая письмо къ графу Вилларскому (тоже масону), масонъ сказалъ: «пріѣдете въ столицу, уединитесь, вдумайтесь въ себя и не вступайте на прежніе пути жизни».

Послѣ отъѣзда своего случайнаго собесѣдника Пьеръ вспоминалъ свое порочное прошлое и съ восторгомъ представлялъ себѣ свѣтлое будущее. Въ душѣ его не оставалось ни слѣда прежнихъ сомнѣній. Онъ вѣрилъ въ братство, любовь людей, соединенныхъ для взаимной поддержки.